

СИЛУАН АФОНСКИЙ

Святой,
одолевший ад

РОМАН БОГОСЛОВСКИЙ

Роман doc

Роман Богословский
**Силуан Афонский.
Святой, победивший ад**

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Богословский Р. С.

Силуан Афонский. Святой, победивший ад /
Р. С. Богословский — «Издательство АСТ», 2026 — (Роман doc)

ISBN 978-5-17-190996-3

Преподобный Силуан Афонский прожил яркую жизнь, поистине ставшую полем битвы света и тьмы. Он совершил подвиг преображения из беспутного юноши в прозорливого старца. Легко ли идти к святости, когда реальность рвётся на лоскуты под напором безбожных идей и устрашающих мистических видений? Как оставаться монахом, когда строгая аскеза даётся с каждым днём всё сложнее, а искушения смешивают сон и явь и порой трудно отличить бесов от ангелов? Об этом в оригинальном современном ключе, используя обманчиво простой нарратив, за которым стоят сложные символы и метафоры, пишет Роман Богословский, чья новая книга погружает читателя в полную падений и взлётов судьбу святого старца Силуана, одолевшего ад.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-190996-3

© Богословский Р. С., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Роман Богословский Силуан Афонский Святой, одолевший ад

*«...каждое слово должно быть правдой о том, что содержит
молчание»*

Антоний Сурожский

© Богословский Р., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Часть 1

Путь

Глава 1

Сентябрь 1938 года на Афоне стоял поистине раскалённый. И хотя день уже клонился к вечеру, жара всё не унималась, заставляя монастырских кошек искать спасения в тени оливковых деревьев и кипарисов.

В Свято-Пантелеймоновой обители пришло время подкрепиться, и братья со всех концов монастыря тянулись к трапезной. Вокруг быстро опустело, лишь слышалось сквозь трели стрижей, как монахи разбирают посуду.

Инок Ириней опаздывал. Весь день он работал больше обычного: накануне перетаскал не все поваленные ветром деревья, загородившие проход в отдалённый скит Старый Русик, и сегодня работу нагонял. Есть ему хотелось страшно, потому он прибавил шагу, чтобы успеть.

Вдалеке он слышал шорох, словно кто-то чиркал камнем по камню. Ириней замедлил ход, обернулся и приметил фигуру. С большого расстояния он не рассмотрел, кто это. А подойдя ближе, увидел старца Силуана. Отец был огромного роста, но сейчас согнулся, прислонившись к стене, ему словно дыхания не хватало. При этом глаза его, по обыкновению, улыбались, выплёскивая на Иринея столько тепла и света, что тот сразу забыл про голод.

– Отец, вот так дела! Что такое? Почему стоишь тут один? – вопрошал инок.

Силуан улыбнулся, тяжело и сипло дыша:

– Где это я один? Ты чего выдумал? Птицы поют, оливки вон растут, небо надо мной, каменья вокруг, море раскинулось – это разве один?

Ириней совсем другое имел в виду, но перечить не стал. Весь образ старца внушал ему благоговение – гигантский рост его, стать, тихая, словно скрывающая себя, мудрость. И глаза – особенно они. Вроде обычные, но в то же время... Другие просто смотрят, а этот – видит.

– Помоги-ка мне до кельи моей добраться, – ласково сказал старец. – Успеешь поесть, не бойся.

Хотя Силуан пытался укрыть от него состояние, инок понял, что дело плохо. Ещё месяц назад старец легко закидывал один на другой мешки с мукой в торговой лавке, а вот теперь и до кельи дойти не может.

– Да могу я дойти, могу, – рассмеялся Силуан, хотя Ириней вслух не говорил, – только с тобой мне веселее. Расскажешь к тому же, что за мысль такая в тебе поселилась. Слышу, точно пчела какая бешеная жужжит у тебя в душе, жить не даёт.

Силуан закинул руку Иринею на спину, и они тихонько двинулись вперёд.

– Сны – это страшная напасть, – старец заговорил первым. – Вот едет человек на святую гору под покров небесный... И всё оставляет за спиной – отца, мать, пожитки там, какие были, дом, картошку в огороде. А сны берёт, как без них? Эх, наваждение!

Ириней хотя был всего-то двадцати с лишним лет и прожил в монастыре всего ничего, но успел понять, что есть тут удивительные люди, которые всё, что он полагал скрытым где-то в глубине душевной, не просто знают, а зрят... словно это лежит у них перед глазами, освещённое к тому же светом, который во много раз ярче того, что покрывает в полдень святую гору Афон. И старец Силуан как раз такой, самый удивительный из всех монахов. Инок почувствовал тонкость момента, настроился на беседу и осторожно сказал:

– Да, сны... Про книгу, вернее – про слова из неё.

– И что за слова в той книге? – хитро спросил старец.

– Тебе и так известно, – ответил Ириней.

– Ты скажи, так надо. Чтобы и тебе известно стало. Сон, когда его проговоришь, силу теряет.

И тогда инок рассказал старцу, как три года назад приехал к старшему брату на Орловщину, как тот показывал ему свою библиотеку, подолгу рассказывая о книгах, – а стояло их на стеллажах великое множество.

– Литераторов, отец, имена я не помню – к чему они мне? Запомнил только, как брат сказал, что пишут они умные вещи: что Бог не нужен, Христос устарел, иконы не нужны – и вообще, надо только в человека верить, вот дела! Убежал я тогда из дома брата, потому что страшно мне стало. Ей Богу, подумал – сейчас же замертво упаду, если останусь. Я потом жил, словно меня на ежа морского задом посадили. Пока сюда не приплыл – житья никакого не было, такие дела. Но сон этот... каждую ночь один: стоит брат надо мной, лицо чёрное, глаза светятся. И всё твердит он: Бог не нужен, любовь не нужна...

Пока инок рассказывал Силуану всё это, они дошли до скромного обиталища старца.

В келье всё было по-монашески просто: облезлый табурет – на нём Силуан имел обыкновение проводить ночи; ветхое подобие лежанки, на которую он изредка всё же ложился; на окошке – ржавый подсвечник с огарком свечи; несколько икон да три затёртые книжки – «Лестница», Евангелие и акафист святому Пантелеймону.

Как увидел старец моленный свой табурет, улыбнулся ему, словно другу лучшему:

– Посади-ка меня на стул мой, ох и люблю я его. Он трезвению души помогает, глаз сомкнуть не даёт. А сомкнёшь – на полу лбом окажешься, – Силуан тихонько засмеялся, добавив: – Это наука лентяям, таким вот, как я, грешный.

Ириней запротестовал:

– Да какой тебе сейчас стул, отец! Ты на ногах еле стоишь. Ляг вон на лежанку, я позову кого-нибудь. Ведь плохо тебе!

Силуан его будто не слышал. Он сам, без помощи инока, прошёл в келью и сел на табурет – тот ласково заскрипел, приветствуя хозяина.

Старец показал глазами на лежанку:

– Не ходи пока куда. Садись вон. Расскажу тебе историю про книги, чтобы сны твои зловредные убавить.

Есть Иринее хотелось, но снами заняться пора, и правда, настала, замучили они его. Он прошёл в келью и присел на лежанку.

И тогда Силуан принялся за рассказ.

В те далёкие времена не звался он ещё Силуаном, а жил на свете простым крестьянским мальчишкой Семёном Антоновым пяти лет от роду.

– Эх, же! Окаянный, вчера хоть просто на бок валился, а сегодня совсем упал, – батя Семёна Иван Петрович ладил ножку к стулу, пытаясь его починить. Маленький Сёма, открыв рот, наблюдал, как он колотит по гвоздю деревянным молотком. – Иди-ка, Сёмушка, вот тут поддержи, чтоб с малых лет знал, как дела работать.

Мальчик прыгнул с лавки, подбежал, схватился, где родитель указал. В тот же миг в дверь избы постучали.

– Кого там к вечеру принесло? – удивился Иван Петрович и крикнул: – Открыто!

Починку стула пришлось отложить.

Дверь распахнулась, и в избу шагнул грузный, довольно молодой человек, с большой сумкой на плече. Образ и вид его сразу говорили, что не местный он, не из Шовского – в родном-то селе все друг друга знают.

Волосы гостя спутались, висели, что солома после дождя. Они мотались до плеч, неряшливо падая на глаза. Был он одет в чёрное и косил на левый глаз. Сёма, испугавшись нездешнего странника, спрятался за батину ногу, крепко вцепившись в штанину.

– Здравия дому вашему, меня Константином зовут. Проездом вот. Из Лебедяни в Раненбург. Лошадь что-то захворала. Приседает на передние ноги, и всё тут... точно наваждение какое. Пустите, хозяева?

Отец Семёна был человеком весьма отзывчивым, странников он всегда приветчал.

– Проходи, чего в дверях стоишь? Садись на лавку вон, чаю дам, – и сказал уже Семёну: – Отцепи руку-то, негоже тебе добрых людей бояться.

Константин прошёл и сел, где ему показали, снял мешок, положил на пол.

Таинственным и непонятным казался Семёну гость. Мальчик на всякий случай отошёл подальше, встал под иконами.

Родитель поставил на стол кружку с чаем, положил горбушку хлеба и кусок сахара, сам присел напротив.

– Меня Иваном Петровичем звать. Антоновы мы. А под иконами вон сынишка мой, Семён. Пей, ешь, что Бог послал. Ну и? Чего ходишь по миру, слоняешься из города в город?

Константин смахнул липкую прядь, жадно глянул на хлеб и сахар, по каждому его движению было ясно, что сильно он голоден. Гость отпил чаю, укусил сахар и сказал:

– Не слоняюсь я, а по делу хожу. Свет знания массам несу, вот о чём речь. В мешке у меня книги разные, важные, – он полез в сумку и достал оттуда несколько тонких книжек, повертел их в руках и положил обратно, оставив на лавке одну. – Во, точно! Вам эту в подарок дам. За чай и еду спасибо моё будет.

Иван Петрович любил всё новое и для себя неизвестное. Он с интересом сказал:

– Эх же как! Офеня¹ ты, значит? Знания – это завсегда хорошо! И что же там, в книгах твоих, сказано?

Гость быстро прожевал, глянул на Семёна, потом на иконы, затем вперил глаза в хозяина.

– Книжки-то? Там мысли важные, точно говорю. Вы сказали, чтобы я ел, что Бог послал. А он не слал ничего. Это вы трудом своим заработали – и чай, и хлеб вот, и сахар этот, ведь точно же? Про то и книжки мои. Что нет его, – он нервно кивнул на образа, – Бога никакого.

Стоящий под иконами Семён вздрогнул, сердце его задёргалось, метнулось к горлу, а потом точно разорвалось. Ноги будто вовсе пропали, мальчик присел на корточки, но глаз с пришельца не сводил.

Иван Петрович шумно набрал воздуха, посмотрел на гостя строго, уточнил:

– Вот же что, оказывается?... И Христа нет?

Константин похлопал рукой по мешку с книгами, словно призывая их в свидетели.

– Точно. И Христа никакого нет и не было никогда, – он говорил убеждённо, пылко, – сказки всё это для детишек, – Константин указал на Семёна, что сидел в углу, не шевелясь.

Их глаза встретились, и тогда мальчик по-настоящему испугался. Казалось ему или было так на самом деле, но косой глаз офени почернел, словно вороньим стал. Он смотрел как будто на Семёна, а вроде и куда-то мимо него.

Иван Петрович тоже потерялся. Не мог он поверить только что слышанному. Много он, бывалый рабочий крестьянин, привыкший к лишениям, в жизни слышал. Но вот что Христос – это сказка для детей...

Батя не знал, как продолжать разговор, оторопев от таких речей.

– Так а... а что же... Кто же тогда есть? – только и сумел он спросить.

Константин полез в мешок, покопался там, вытащил какую-то книжонку.

– Так, – довольно глядел он, – кто есть, спрашиваете? А вот тут всё и написано, – и он прочитал на обложке, – Нечаев, «Катехизис революционера». Что есть, говорите? О том тут и речь. Давайте поглядим.

Он пролистал книжку, но вдруг сунул её обратно, сказав:

¹ Офеня – то же, что коробейник, книгоноша.

– Да я и так всё помню. Есть, мил человек, общественное мнение, которое надлежит презирать. А ещё... надо беспощадно разрушать всё, что мешает человеку быть человеком. А мешает этому всё, что вокруг, – и законы, и общество непросвещённое, и предрассудки, – он с презрением обвёл рукой круг, словно весь мир ему мешал, – одна только революция даёт освобождение. И скоро народный бунт не оставит от старого мира камня на камне. Уж мы проследим. Вот о чём речь! И вот эти вот доски ваши деревянные, – он ткнул пальцем в иконы, – все сгорят до единой, как есть запылают!

Вдруг в избу ввалилась соседская баба и запричитала:

– Скорее, Иван, поспешай! Телега горит... Беда! На стога перекинется! Сгорим!..

Константин первым выбежал из избы, заорал:

– Это ж моя, батюшки! Там же книги, там их, почитай, двести штук!

Гость с вороньим глазом вместе с Иваном Петровичем побежали тушить телегу, запылавшую невесть от какой искры, а Семёну батя дома сидеть приказал.

Но мальчик украдкой выглянул на улицу – посмотреть, что там случилось. Телега полыхала, вокруг носились с вёдрами бабы и мужики. Среди его односельчан скакал, причитая, скалясь, ругаясь и сам книгоноша Константин. Издалека Семёну казалось, что он весь в густом огне, что пылает вместе с телегой своей и сам жуткий гость, извиваясь и танцуя, объятый синекрасным пламенем, – и даже во рту его виден огонь...

Потушили телегу быстро, но, наполовину горелая, она всё равно развалилась. И книги, за которые так переживал Константин, тоже почти все сгорели. Пешком офеня ушёл в Раненбург с двумя мешками уцелевших брошюр.

Иван Петрович вернулся с пожара задумчивый, присел на лавку, склонил голову.

Семён подошёл к нему, заглянул в глаза, тихонько взяв родителя за руку.

– Почему он такие слова сказал, а, батя? Про Бога, про Христа? – спросил мальчишка.

– Забудь навсегда, Сёмочка. Забудь, как и не было его тут, – с этими словами Иван Петрович поднялся, взял с лавки книжку, что подарил книгоноша, и бросил её в печь, затем подложил дров – из устья печки вырвались иссиня-красные искры, чуть опалив мальчишку.

Сёма потёр худущую ручонку и сказал:

– А я найду его, Бога. Этот на иконках тоже хороший... Но я живого сыщу! Вот подрасту и по всей земле искать его пойду.

– До сих пор я иногда вспоминаю того офеню, – закончил свой рассказ старец. – Как бы в тонком сне, а иной раз и в обычном, крепком вижу его. Это было первое в жизни сотрясение всего человеческого во мне. Как вчера помню – и телега эта горящая, и книги его, и слова, и волосы его липкие...

Ириней сидел не шелохнувшись. История старца походила на его собственную – тоже книги, и тоже наполненные таинственными мыслями – непонятные, чужие.

– А ведь правда, книги те все сбылись. Революция по Руси расплзлась, – инок хотел ещё что-то добавить, но Силуан его перебил:

– Так, милый, ступай, мне отдохнуть надо.

– А что же делать мне? Как сны эти мерзкие отогнать? – спросил Ириней, встав с лежанки, уставившись на Силуана.

– Сны-то? – как ни в чём не бывало, говорил старец. – Я скажу владыке, чтобы работы тебе прибавил, а то не устаёшь ты, вот и сны одолевают. Мало трудишься, одним словом.

Не такой помощи ждал от старца Ириней, потому и воскликнул:

– Старец, вот так дела! Что ты такое говоришь, это ведь не то!

Силуан хитро и добро взглянул на Ириней, взял «Лествицу» с окна, раскрыл её, стал вчитываться.

– Вот, – сказал он, указав пальцем в текст, – об отложении попечений и печали о мире. Будешь читать по три раза перед вечерней молитвой каждый день шесть недель. Много дума-

есть ты о доме, о матери и сёстрах, мы человеки, что делать. Днём от себя ты это гонишь. А ночью оно возвращается... вместе с братом и книгами. Одно выдаёт себя за другое, морочит тебе голову. Делай, как я сказал, – и пройдёт.

Ириней взял книгу из рук старца, повернулся, чтобы выйти из кельи, и вдруг увидел, что лицо Силуана побелело, с табурета он кое-как переполз на лежанку. Старец понял волнение инока.

– Ничего, иди, иди в трапезную. И позови ко мне отца Софрония, – улыбнулся он.

Старец остался один. Сорок шесть лет прожил он в этом благодатном месте. Менялась его работа – то на мельнице трудился, то экономом в продовольственной лавке, – но одно всегда оставалось с ним: это вера, что пока стоит Святая Гора, пока звонят колокола в её монастырях, и мир будет стоять на месте.

Размышления его прервал отец Софроний, верный и прилежный ученик. Он вошёл в келью и к своему неудовольствию понял, что наставнику его совсем худо.

Силуан не дал ему заговорить, начав первым:

– Не хочу я в госпиталь, хочу в келье своей ко Господу отойти.

Софроний нахмурился, присел рядом. Говорил тихо:

– Ты, собственно, куда отходить собрался? Поживёшь ещё, нас уму-разуму поучишь, вот так. Смотри, белый, как облако. Пойду в госпиталь, пусть место приготовят. Отходить будешь ещё не скоро, я знаю. Ты нам здесь нужен!

С улицы донеслась громкая брань.

– Что там? – глянул на Софрония монах, прерывисто вздыхая.

– Об этом ли, собственно, тебе сейчас думать? – укорил отец Софроний старца. – Работники, что стену трапезной перекладывают, где-то наладились анисовки больше положенного, да стали разговоры глупые вести, про... женское всякое. Ну а те, кто потрезвее, вразумлять их принялись. Тебе-то что? Ты о себе думай!

– Да я и думаю... Иди, ладно. А про госпиталь – как скажешь, так и будет. Люблю я тебя, а потому сделаю, как решишь, – старец печально глянул на Софрония.

Довольный исходом разговора, монах пошёл в госпиталь хлопотать о месте для наставника. И хотя настоящих лекарей в обители не было, Силуан нуждался хотя бы в какой-то помощи.

А сам он в это время, помолившись и забыв о боли, предался воспоминаниям о давно минувшей юности – как раз про это, про «женское всякое»...

Глава 2

К восемнадцати годам Семён вырос под два метра ростом, плечи его раздались в разные стороны, словно две скалы, а руки стали, что стволы дуба, – богатырь, каких поискать.

Уже три года Семён работал в артели столяром и дело своё знал хорошо. В июле работы закончили постройку двух изб в Шовском, а в августе появилось дело посложнее, но и подороже – князь Трубецкой заказал большую конюшню в своём имении.

Старший брат Семёна руководил процессом. Время шло к обеду, братец спрыгнул с незаконченной ещё крыши, отряхнул руки и запел, шурясь на солнце:

– В поле ба-а-а-ба пойдёт, ух! Жениха позовё-ё-ёт, ух!

Песню хором подхватили и остальные – Иван, Косма и Митяй:

– А как петух пропоё-ё-ёт, ух! Она домою пойдё-ё-ёт, ух! А как время пройде-ё-ёт, ух!

В подоле принесё-ё-ёт, ух!

Семён в это время проверял на глаз бревно – не криво ли оно. Он не подпевал. И даже крикнул на остальных:

– Чего распелись? Работы ещё вон дотемна.

Длинный и худющий Косма рассмеялся:

– А чего нам не петь-то? А тебе бы всё по церквям шастать, чадо Христово, вот и песни не поются. Вон куды шастать надо – гляди. Она-то на тебя все зенки проглядела, а ты всё в церковь.

Все загоготали над хмурым Семёном, глянули, куда указал Косма. По тропинке к ним шла, точно плыла по ветру среди густой травы, Маланья Коровина. Даже издали любой мужик оценил бы её широкую, но без лишнего, фигуру, и солнечно-открытое, светлое какое-то лицо, обрамлённое рыжеватыми волосами. Девушка несла артельщикам харчи.

– Подкрепиться настала пора, работнички, – засмеялась Маланья и стала раскладывать хлеб, яйца и огурцы. Она украдкой, стеснительно, взглянула на Семёна, он сделал вид, что взгляда не заметил.

Зато его увидел брат, усмехнулся:

– Иди, поешь, – крикнул он младшему. – Чай краса девичья через огурцы к тебе не пристанет.

Все опять прыснули, глядя на понурого Семёна.

Маланья ушла, ещё разок обернувшись на сконфуженного парня. А к еде он так и не притронулся – обиделся, что над ним хохочут и подначивают.

Вечером, когда все артельщики разошлись по домам, Семён остался, чтобы сложить инструменты под замок. Маланья знала, что сегодня его очередь убирать после работы, и как только он закончил, была уж тут как тут.

Она присела на краешек бревна, глянула на Семёна хитро, придерживая ладонями развевающееся на ветру платье:

– Вчера, значит, целовал... целовал час целый, а сегодня не глянул даже? Такой ты, да?

Семён присел на корточки чуть поодаль, заговорил:

– Я тоже человек, вот и целовал. Не нужен я тебе, пойми. Я уйду скоро, чую, есть у Бога путь-дорога для меня. Не здесь моя жизнь будет.

Маланья посмотрела вверх, на небо. А потом опустила голову, пряча накатившие слёзы.

Семён и сам готов был заплакать – так мучительно жалко ему стало девушку, которую знал он с самого ребячества.

А она запричитала:

– Куда ты пойдёшь? Хочешь в Бога верить – верь тут. Вон, Иоанн наш Сезёновский никуда-никудашеньки не ходил, родную землю не бросал, а поболее твоего верил! А ты, значит, гордый?

Конечно, Семён понимал, что под «родною землей» Маланья разумеет себя саму. Но в голове его занималась тоска. Да, она красива, добра и нежна. Но какое-то предчувствие зарождалось в нём... что-то неуловимо тонкое, пока лишь еле видимое за буднями обычной жизни, куда-то тянуло и тянуло его, вытягивая все соки, осушая молодую жизнь его.

Семён встал и молча побрёл к сараю, чтобы закрыть его на замок. Лишь только он вынул ключ и повернулся, Маланья бросилась к нему на грудь и разрыдалась в голос.

– Не уйдёшь, не оставишь, а? – всхлипывала девушка.

Она стала целовать его плечи, лицо – куда доставала. Лгнула, прижималась к любимому всем телом. И только Маланья решилась поцеловать его в губы – резко, с громким раскатом ударил гром и зашуршал по траве ливень.

Семён прижал девушку к себе, она сотрясалась – мокрая, нежная. А он смотрел вдаль, на молнии-лезвия, что полосовали поднебесье по всем сторонам света. Одна из них шарахнула в молодой дуб, ствол его сломался посередине и с тяжёлым скрипом завалился. Дерево пылало, невзирая на дождь. И металось что-то странное около него, словно скакал кто. А может, Семёну просто так привиделось...

Страшно стало парню, он вспомнил горящую повозку и огненного офеню, что плясал вокруг неё, глядя на него сквозь пламя косым чёрным глазом.

Маланья вдруг отстранилась, посмотрела не своими глазами, как бы со злой насмешкой.

– Где ж огонь твой, где твоя мужичья сила, которую никакой дождь с небес не потушит? – спросила она, огрубев голосом. – Дай же, дай мне её сейчас и тут!

Маланья лгнула, прижималась, сладко и вместе с тем хитро улыбалась. Она словно желала просочиться в него. Но вдруг почти уже ополоумевший от вожделения Семён увидел избавление: издалека к месту работ шёл зачем-то староста, укрываясь от дождя огромным лопухом.

Маланья со злым ехидством улыбнулась Семёну и вдруг отстранилась, облизывая губы.

...И ушли, погасли воспоминания, старец умел владеть ими: когда желал, мог повспоминать былое, глядя на ушедшие годы как бы со стороны, как на смешной и нелепый спектакль, а когда никакой надобности вопрошать память не было – легко поднимался в чистоту ума.

Два года назад Силуан уже лежал в монастырской больнице с досадной напастью – налетевшим неведь откуда лающим кашлем. Тогда отец Фома, монах, что заведовал госпиталем, вылечил его быстро: много волшебных травок растёт на Афоне, они подняли Силуана на ноги. Об одном только просил он, чтобы перевели его в другую палату, потому что под тикающими часами было ему тяжело молиться. Отец Софроний это помнил, и потому сразу, как только привёл старца и усадил на стул в коридоре, спросил у отца Фомы:

– Ты, собственно, только под часами не клади его, помнишь, он просил тогда?

Силуан не дал ответить, перебил слабым голосом:

– Прости меня, отец Фома. Гордый я то-гда был, малодушный. Сейчас клади хоть головой на часы вместо подушки – всё равно мне.

– Помню, помню, – ответил лекарь Софронию, не обратив внимания на слова старца. – Сейчас другие места есть, слава Богу.

Пока он говорил, отвёл Софрония чуть в сторону, прошептал:

– Ты знаешь ведь, у нас тут больница-то... слово одно. Да и я что за доктор? А на старце лица нет, бел, как пена морская. Я и узнать, чем он болен-то не смогу, не то, что вылечить.

– Отец Софроний, – слабо окликнул старец, – сходи-ка, попроси меня причастить, хочу я сладости Христовой, мочи нет, уважь.

– Всегда ты такой, поговорить не дашь! – понарошку разозлился отец Софроний и вышел.

Старец с внимательной улыбкой смотрел на отца Фому. И вкрадчиво заговорил:

– Лежат под кипарисом три змеи. А мимо человек идёт. Какая из змей первой его шаги услышит, а, отец Фома?

Доктор-монах растерялся от такого вопроса, но быстро сообразил:

– Все три разом?

– Правильно, – улыбнулся Силуан. – А кинется на него какая первой?

Тут врач совсем потерялся. Он стал думать над ответом, но тут же провалился в рыхлую кучу разнородных мыслей; он просто стоял, обречённо моргая, глядя на старца по-детски. Потом развёл руки в стороны и озадаченно произнёс:

– Да нет ответа на такое.

Силуан рассмеялся, будто вся болезнь его разом отступила.

– То-то и оно, – сказал он. – Есть то, что человек умеет предположить. А есть вот такое вот лицо, как у тебя сейчас. Так что брось думать о пустом. Ты тут не властен, а один только Господь. Буду лежать, где скажешь, отец Фома.

– Вот же ты, а? – только и смог возразить доктор. – Мы к тебе сердцем всем, а ты?..

Силуан протянул руку к отцу Фоме, взял его ладонь и постарался, насколько это было возможно в немощи его, сжать её – получилось слабо. А ведь бывало, делал он это во много раз сильнее.

Резвилась тогда широкая Масленица. В Шовском гуляли и веселились дети малые, и родители их, и даже многие старики. Грязный снег валялся по обочинам, глубоченные лужи мешали весёлым и пьяным гулякам бродить по дорогам, но никого это не занимало: мужики, бабы и дети шатались по селу, пели частушки и жгли костры, славя Бога на свой причудливый лад – смешивая древнюю веру славян с православной.

У дома своего товарища Лёшки Семён поражал всех силой. Плотник Еремей был мужик здоровый, но Сёма на спор так сжал его ладонь, что несчастный завыл, присев на корточки. Силач хохотал вместе с остальными, наслаждаясь во хмелю страданиями мужичка.

Лёшка подал победителю ковш с водкой, тот взял его и, расплескав немного на снег, выпил без закуски, не отпуская воющего Еремея. Осмотрел Семён шальными глазами толпу и крикнул:

– Ну? Кто следующий, а? Чьими костями теперь похрустеть?

Больше смельчаков не нашлось.

– Отпусти, Сёма, не могу терпеть, – детским голоском умолял Еремей.

– Тот-то же, – сказал здоровяк, отпустил несчастного и грубо сунул ему ковш с водкой.

Плотник быстро выпил, а остатки вылил на припухшую ладонь, стал её растирать. Семён и остальные рассмеялись.

– Пошли к Вельяминовой, у них водки много, погуляем! – крикнул он, пьянея на глазах. Распахнулся, выставив грудь напоказ, и потащился к дороге. Его товарищи-артельщики Косма и Митяй двинулись за ним, тоже нахальные, пьяненькие.

Навстречу им шёл, аккуратно переступая лужи, местный священник, отец Николай. Увидев Семёна в неприглядном виде, он строго посмотрел на него, попеняя:

– Что-то на службах не видать тебя, молодец-удалец. Раскраснелся, смотрю...

– А он, отче, прошлый год за нонешний отходил, – ответил за Семёна Митяй и засмеялся.

– Подзатих бы ты, – остудил Семён товарища, дав ему лёгкую затрещину. Друг был хотя и старше, но в последнее время стал Семёна побаиваться – молодец вошёл в полную мощь, и равных ему по силе в Шовском теперь не осталось.

Семён кинул на батюшку пьяный взгляд, пошёл быстрее, лишь бросив через плечо:

– Приду... Оставь сейчас свои научения.

Отец Николай печально улыбнулся, а когда трое гуляк пошли вперёд, покачиваясь и наступая в лужи, незаметно перекрестил их.

Навстречу Семёновой компании двигалась другая. Балагур и весельчак Иван Харитонов шёл, приплясывая, играл на гармошке. Рядом с ним веселились пьяные дружки его – Егор, Сидор и Лев. Сидор был голый по пояс, да ещё и снегом обтирался, размазывая талую грязь по рукам, шее и животу.

Иван рвал гармонь и горланил:

– Приезжала в Лебедянь, покупала шубу. Шуба – гадость, дело – дрянь, одарю ей Любу!

Далее они запели втроём:

– Как во нашем во лесу девица лежала. Не воспользовался я – водкою воняла!

Компании поравнялись, стали здороваться, кичливо толкаясь плечами.

Семён давно имел вопрос к Ивану Харитонову. Лет пять назад, когда батя чинил на дворе мамкину прялку, Харитонов кинул огрызок яблока и попал Ивану Петровичу прямо в голову. Может, специально бросил, может, нечаянно – теперь как поймёшь? Тогда Семён был ещё совсем юным и не решился драться, но случай тот запомнил. И вот сейчас давняя обида смешалась в уме его с водкой – и вздыбились, шумно вспенились в душе молодца горячие волны.

– Дай-ка сам поиграю, – попросил Семён гармонь у Ивана.

– Сам, говорят, самочку обрюхатил – и был таков. Вот и ты проходи, – Иван прекратил пикировать, смотрел на Семёна с пьяным вызовом. Ум его был взбаламучен гулянием, и потому опасности он не чувствовал.

Семён повернулся на Косму:

– Гля, Косма. Он чегой-то просит у нас, так?..

Косма усмехнулся, поймав настрой товарища. А ответил за него Митяй:

– Ну вот и дай ему, чего просит-то. Нельзя отказать в честь праздника.

Не сказать, что Семён был сильно зол. Он только играл, куражился. И когдашибанул Ивана кулаком в грудь, сам удивился, как сокрушительно это вышло. Гармонь отскочила в сторону, словно брошенная ребёнком кукла, а Иван полетел в сугроб, раскинул руки и стал ловить ртом воздух. Зрачки его забегали, глаза расширились, пальцами он хватал пустоту, сучил ногами в луже, точно хотел убежать прямо в небо.

Семён и другие подбежали к убитому другу, лицо его быстро синело, он хрипел и задыхался.

– Да ты совсем осатанел, скотина?! – закричал на Семёна Сидор, бегая вокруг Ивана, не зная, что делать и с какого боку к нему подойти.

У парня шла пена изо рта, глаза его закрылись, веки дрожали. Он помирал.

Семён вертел головой, смотрел по сторонам, потом сел рядом с Иваном, взял его за руку.

– Да ты что, дорогой, – запричитал он. – Ты куда собрался? Давай-ка, милый, распахивай зенки. Давай, а?..

Семён разордал на Иване рубаху, оголил ему грудь – на ней быстро, само собою рисовалось иссиня-чёрное пятно, словно неведомая страна на карте. Что-то в груди Ивана хлюпало и содрогалось.

Рванул Семён крест с груди и положил на синяк. Иван затих. Косма и Лев сняли шапки.

– Не бывать этому! Не бывать, – шептал Семён, сгребая пальцами мокрую грязь.

Прошла минута, и вдруг «мертвец» очнулся, резко сел и густо харкнул кровавой жижей. Глаза его распахнулись, он спешно как-то задыхался, стал озираться по сторонам, потом зашлёпал булькающим кашлем, скорчившись от боли.

Друзья осторожно подняли его, взяли под руки, медленно повели. Семён так и сидел в снегу, не в силах пошевелиться. Когда Ивана поднимали, крест с груди его упал в лужу. Семёна поднял его, обтёр, надел на себя, затем в сердцах пнул гармошку – она разлетелась на куски, проскулив что-то напоследок.

– Бог миловал... Дай-ка водку, – сказал он Косме, вскочил, сам выхватил у него бутылку и стал, прикрыв глаза, лакать из горлышка, проливая на себя.

У дома купчихи Вельяминовой друзья пристроились в хоровод и зашлись в пляске возле костра. Семён скакал, как умалишённый. Перед взором его, кроме раскрасневшихся лиц односельчан, проплывали какие-то хари – кто со свиным пяточком, кто с волчьими зубами, а иные вскидывали вверх медвежьи лапы и гоготали. Семён и сам дико хохотал и всё пил водку, икая и захлёбываясь. От пьяной этой вакханалии в небеса поднимался горячий пар.

Неподалёку мужики развлекались тем, что ломали руками доски. Семён вышел из хоровода, растолкал их, выбрал самую толстую деревяшку и с хохотом обрушил на неё ладонь – дерево переломилось, остальные на всякий случай отошли от безумца подальше. Не в силах держаться на ногах, он упал на колени, выронив бутылку – водка полилась в снег.

Вдруг Семён увидел перед глазами женскую ладонь – такую нежную, бледную, почти прозрачную. Он поднял голову. Сверху глядела вдова Катерина Коблова. Она смотрела на Семёна снисходительно, но без осуждения. Раньше он и не замечал, как она хороша. Взгляд её изливал притворную кротость, скрывавшую настоящее её желание.

– Напраздновался, вижу. Пошли-ка, отдохнёшь. Вон, мокрый весь, – ласково говорила вдова, кое-как поднимая пьяного бугая.

Он еле встал с земли, перед глазами мельтешило, расплывалось, и только печальное лицо Маланьи видел он чётко. Девушка стояла в стороне ото всех, не прыгала и не резвилась, лишь с горечью и ревностью смотрела на любимого, уходившего с другой.

Семён и сам не понял, как оказался у вдовы дома, как подставлял лицо своё под её поцелуи, как навалился обмякшим телом и овладел ею с такой силой и страстью, что затряслась посуда на столе да заплясали на полу чугунки.

...А ночью брёл он в темноте по селу, натываясь на заборы, скамейки и столбы, падал и вставал, пытаясь отогнать руками наваждение – ухмыляющееся лицо вдовы Кобловой сменялось светлым ликом Маланьи, превращаясь тут же в страшный образ хрипящего, плюющего кровью полумертвеца Ивана Харитоновича.

Лишь к утру, весь мокрый, грязный, измятый, добрался Семён до дома, вошёл и, в чём был, завалился спать.

Глаза он разлепил далеко за полдень. Бати дома не было, братьев и сестёр тоже. Только родительница его, Соломония, хлопотала у печи.

Семён сел в кровати, с чувством тошнотворной гадливости оглядывая себя – грязного, скверного, смердящего перегаром.

Матушка, увидев, что сын проснулся, глянула на него с горькой укоризной, тихо сказав:

– Ничего я говорить тебе не буду. Живи, как знаешь. И Бог тебе судья. Что могли, мы с родителем твоим сделали – взрастили в труде, вере. А дальше... Дальше уж твоя голова, если она есть.

Семён украдкой взглянул на иконы. И так стыдно ему стало, что накрыл он голову подушкой и лежал без движения, пока не пришёл Иван Петрович.

Не дожидаясь вопросов от него, Семён начал первым:

– Пусти меня в Киево-Печёрскую лавру. Буду монахом жить. Тут мне погибель одна.

Батя скинул на пол дрова, присел к сыну. Он устало глянул на него, положил шершавую ладонь на его руку.

– Эх же, сынок... Лавра, говоришь?.. Вот тебе моё слово, – он выводил слова по-доброму, но твёрдо. – Сходи послужи, что ли, сначала, ума наберись. Потом глянешь, что и как на душе будет. А теперь ступай переоденься и харю свою помой.

Семён вышел на двор, несколько раз окатил себя ледяной водой и начал оживать, похмельный морок отступал. Потом он съел сразу пятнадцать варёных яиц – при своих росте и мускулах питался Семён обильно. Но в тот раз сила ему пользы не дала.

Иван Петрович собрался починить забор и отправил сына за пилой – он оставил её в саду. Сытый, вымытый и переодетый молодец повеселел, и теперь недавние слова про Киево-Печёрскую лавру казались ему поспешными, лукавыми, выдуманными полупьяным умом.

– Сейчас, батя, обожди, всё сделаем, – весело крикнул Семён и пошёл в сад.

Большие дороги в Шовском почти оттаяли, а вот плодовые деревья в придомовых садах всё ещё утопали в набухших сугробах.

Семён пошёл по батиным следам. Начинало темнеть. Когда он увидел пилу, воткнутую Иваном Петровичем меж двух суков вишни, сбоку послышались шаги, и кто-то сзади до искр в глазах огрел его по голове. Семён всё смотрел на пилу. Ему казалось, что она вдруг стала ездыкать меж сучьями туда и сюда сама, без помощи.

Всё вокруг закрутилось вихрем из снега, деревьев и серого неба, и Семён рухнул в сугроб, услышав сзади:

– Привет от Харитоновы, коего ты чуть не угробил. Теперь будешь знать, как ручонками размахивать.

После этих слов ударивший его быстро заскрипел по снегу куда-то в сторону – и скоро всё стихло.

Семён валялся в сугробе, не в силах двинуться с места. По всему телу пошёл вдруг с нарастанием жар, память снова подкинула танцующего в огне книгоношу. Он хотел шевельнуть рукой, но она не слушалась.

На снег рядом с ним вдруг сел жирный, почему-то чёрный снегирь, и зашептал в самое ухо:

– Христа никакого нет. И не было никогда, – и отдавались слова эти эхом, носилось оно по небу. – Не было никогда... не было никогда... не было никогда...

Парень сделал усилие, чтобы перевернуться, но вдруг понял, что тело его будто за километр от него валяется и он не властен над ним. Но как оставил попытки – снова оказался в себе. Он водил глазами, пытаясь рассмотреть птицу, но снегирь словно сквозь снег провалился.

Сверху нависали ветви яблони. Один сук вдруг отломился, упал в сугроб, ожил и пополз к Семёну. Он краем глаза видел это страшное движение. И вот по ноге его ползла уже не деревяшка, а жирная, ярко-зелёная змея. Семёна затрясло: он то выходил из тела, то входил в него снова, мерцая между жизнью и смертью.

– Сёма, ты где там? – услышал он вдалеке голос бати, но сам был абсолютно нем.

Змея уже ползла по груди его, он ощущал её вес и мерзкую пульсацию внутри гада. И тут рот его сам собою открылся, змея медленно заскользила внутрь. Ничего более отвратительного в жизни он не испытывал. Парень стал захлёбываться слюнями, рыгать и задыхаться, а холодное и скользкое нечто всё продвигалось внутри него – в глубину, прямо в естество, в душу ползло. Семён мысленно начал просить у Бога скорейшей смерти.

И тогда он услышал женский голос. Не было на земле звука, с которым его можно было сравнить. Ни самая прекрасная музыка, ни кроткое пение монахинь на клиросе, ни даже колыбельная любящей матери – ничто не могло встать вровень с этим надмирным, полным печали, но в то же время и торжества над всей земною суетой, голосом:

– Противно тебе, гадко? А представь, каково мне смотреть на то, как ты живёшь?

Семён не мог говорить, он почти уже умер, но сразу понял, кто беседовал с ним.

В нём тогда погибло всё, кроме одного. Потекла, зажурчала, заструилась в глубине его изуродованного жизнью ума молитва:

– Богородице, дево, радуйся! Благодатная Мария, Господь с тобой! Благословенна ты в женах...

Угасающим разумом Семён уловил, как подбежал к нему Иван Петрович, аккуратно перевернул и потащил по снегу, а из уст бати неслось горячее, вторившее умственной молитве сына:

– ...и благословен плод чрева твоего, яко Спаса родила еси душ наших.

Семён утих, полетел в черноту. И пока батя волок его до дома, он, конечно, не видел горьких слёз его, не слышал голоса истерзанного печалью родителя:

– Ох же дела, сынок мой любимый. Что же делать мне с тобой. Одно горе. Одно горе-горькое вокруг тебя.

Семён очнулся ночью, голова нестерпимо болела, хотя и была заботливо перевязана. Засыпал, потрескивая, огонь в печи, все родные его спали. Только Иван Петрович сидел и с горечью смотрел на угли. Тяжело было Семёну глядеть на скорбное лицо его – тосковал-то он из-за него. Ведь не первый и не десятый раз такое – водка, драки, разбитая башка...

Парень смотрел в чёрный потолок, понимая, что жизнь его должна перемениться сейчас же, иначе – только смерть чёрная.

– Что мне делать, батя? Не могу я тут больше, – тихо сказал он, сглатывая слёзы.

Родитель дал ответ не сразу, он был мудрым человеком, всегда и всё взвешивал на точных внутренних весах.

– Я тебе давеча всё сказал, – наконец отозвался Иван Петрович. – Утром встанешь – на службу собирайся. За шесть годков мозги прочистишь. Эх, же! Эх, эх...

Глава 3

За сорок шесть лет, что прожил в обители, Силуан совершенно отвык спать каждую ночь на лежанке. Он проводил ночи на табурете, и лишь в крайнем случае, когда изнеможение от духовных трудов достигало пика, позволял себе прилечь. В госпитале же отец Фома строго-настрого запретил старцу вставать, и потому он ворочался с боку на бок, лишь бы как-то разнообразить своё время.

К вечеру Силуан немного задремал. Из дрёмы его вырвали громкие звуки, летевшие из коридора.

Отец Фома и инок Иринея завели в палату монаха Илию. Они несли его под руки, молодой схимник стонал, одна нога была согнута в колене, на второй он смешно прыгал, из ладони сочилась кровь.

– На лежанку его и бегом за анисовой, и горячую воду носи! – скомандовал отец Фома, укладывая несчастного. Он вытащил несколько чистых тряпок, порвал их на лоскуты и стал осторожно прикладывать к ранам Илии.

– Что с ним? – Силуан чуть приподнялся, вглядываясь.

– Лежи, отец, нельзя тебе сейчас тревожиться. Пошёл он за валунами на берег да на морских ежей напоролся, весь искололся.

– Упал я на них, вот напасть, – мучительно-плаксиво сказал Илия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.